

УДК 811.511.13 821.51

С.С. Шляхова

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМИ-ПЕРМЯЦКО-РУССКИЙ БИЛИНГВИЗМ И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В статье рассматриваются вопросы литературного коми-пермяцко-русского билингвизма в контексте этнической идентичности. Установлено, что культурные возможности, получаемые этносом от ситуации двуязычия, значительно превышают угрозы со стороны русского влияния. Опыт развития литературного двуязычия в коми-пермяцком дискурсе показывает, что двуязычие не является показателем утраты национальной культуры и не является пагубным для национального развития. Коми-пермяцко-русский билингвизм, с одной стороны, способствует обогащению жанровой системы коми-пермяцкого языка, с другой стороны, практически все «заимствованные» жанры сохраняют генетическую связь с этнической традицией. В творчестве коми-пермяцких писателей-билингвов обнаруживается синтез этнической (коми-пермяцкой), «доминирующей» (русской) и универсальной картин мира. Ярким примером мультикультурной модели сознания является творчество коми-пермяцкого поэта Анны Истоминой. Ментальность коми-пермяцкого этноса проявляется как в коми-пермяцких, так и русскоязычных текстах автора.

Ключевые слова: пермские языки, коми-пермяцкий язык, коми-пермяцкая литература, билингвизм, культурная идентичность.

Коми-пермяки – исконное население Прикамья. Мифология, обряды и традиции затеряны во времени, до нас дошла лишь малая часть наследия древнего этноса. Коми-пермяцкий язык – язык коми-пермяков, основного населения Коми-Пермяцкого округа, расположенного в Пермском крае РФ. Относится к пермской ветви финно-угорской подсемьи уральских языков и состоит в близком родстве с языками коми-зырян и удмуртов. Является языком внутринационального общения на территории Коми-Пермяцкого округа; выполняет роль обиходного («домашнего») языка [1].

По данным исследователей, культурное влияние на коми-пермяков со стороны близко и далеко живущего населения прослеживается на археологическом материале с X в. Наиболее важными для коми-пермяков являлись связи с севером, где в Вычегодско-Вымском бассейне шло формирование родственного по происхождению коми-зырянского населения. На коми-пермяков распространились сферы влияния Византии, сасанидского Ирана, арабского Востока, среднеазиатских государств Хорезма и Согды. Сильное влияние на коми-пермяков в X – начале XIII вв. оказали волжские булгары. О торговле с булгарами сообщается в преданиях о Кудым-Оше и Пере-богатыре (главных героях коми-пермяцкого фольклора). В XI–XIII вв. коми-пермяки попадают под влияние славянского населения, которое шло со стороны новгородских и ростово-суздальских земель [18]. Это многоголосье культур фиксируется в языке. Так, русское *ад кромешный* превращается в коми-пермяцком языке в имя черта, беса – *Вакрамеша*. Имя взрися («лесной дух-хозяин» < коми *vör* «лес») *Гундыр* (< к.-п. *гундыр* «многоголовое чудовище, гидра, змей») связано одновременно со многими культурами, поскольку родственно с греческим *кентавр*, арийским *гандхарв*, удмуртским *gudjri* «гром», удмуртским *gondjir* «медведь» [10].

Контакты коми с русскими установились на рубеже XI–XII вв. и с тех пор не прерывались. С XI в. начался период самостоятельного развития двух территориально разделенных наречий общекоми-языка, в течение которого диалектные различия нарастали, что привело к образованию двух близкородственных самостоятельных языков: на территории княжества Перми Великой – пермяцкого языка, а на территории Малой Перми (на Выми) – зырянского языка [2].

На сегодняшний день в пермистике можно выделить два основных подхода к определению коми-пермяцкого языка: 1) самостоятельный язык, имеющий литературную форму; 2) пермяцкий региональный литературный вариант (наряду с зырянским) национального языка коми. «Таким образом, одни исследователи выделяют два пермских языка – удмуртский и коми, другие выделяют три самостоятельных языка – удмуртский, коми-зырянский и коми-пермяцкий» [17. С. 67].

Несмотря на влияние различных культур, коми-пермяцкий народ не утратил самобытности: до сих пор в православные праздники коми-пермяки ходят поклоняться своим неведомыми предкам – чуди, кладбищенские деревья украшаются нарядными ленточками, домашнюю утварь деревенские

жители помечают пасами (древними родовыми метами). В современном мире, где с огромной скоростью происходит процесс интеграции различных культур, невозможно остаться равнодушным к наряду, сохраняющему свои особенности на протяжении многих веков.

Коми-пермяки – двуязычны уже не один век; около 90 % коми-пермяков свободно владеют русским языком. Двуязычие коми-пермяков обусловлено не столько политическими факторами, сколько давними историческими, социально-экономическими и культурными связями русских и коми-пермяков. Языковая ситуация на территории Коми-Пермяцкого округа отличается от общей языковой ситуации Пермского края. Там «широко представлен коми-пермяцко-русский билингвизм, в то время как русско-коми-пермяцкий билингвизм представлен довольно редко» [14. С. 3-4]. Таким образом, можно говорить о ситуации однополярного двуязычия, т.е. преимущественного влияния русской лингвокультурной парадигмы на коми-пермяцкий язык и культуру.

Современная культурная политика многих стран поддерживает мультикультурную модель, где личность органично включается как в «доминирующую», так и в этническую культуры. В этом контексте особого внимания заслуживает проблема литературного двуязычия, опыт развития которого в России показывает, что даже однополярный билингвизм не является показателем «порчи» национальной культуры.

Коми-пермяцко-русский билингвизм актуализировал возможности коми-пермяцкого языка, ускорил его развитие, в чем немалую роль сыграли литературная деятельность и переводы. Именно перевод обеспечивает, с одной стороны, сохранность и развитие коми-пермяцкого языка, его самобытность. С другой стороны, через перевод возможен когнитивный сдвиг этноса в сторону универсального, научного, художественного знания. Литературный коми-пермяцко-русский билингвизм обусловил отход от патриархального мышления к мышлению нового времени, фольклорно-эпическая традиция коми-пермяцкой литературы сменилась разнообразием ее родов, видов и жанров. Позитивное влияние коми-пермяцко-русского билингвизма на коми-пермяцкий язык наиболее очевидно в фольклорном и литературном дискурсе, поскольку именно литературный билингвизм обуславливает обогащение и эволюцию жанровой структуры коми-пермяцкого языка.

Специфика фольклора исследована в коми-пермяцком языке достаточно тщательно [3; 7; 11 и др.]. Наиболее интересными и древними следует считать сохранившиеся у коми-пермяков мифологические рассказы, повествующие о сотворении мира, происхождении зверей и птиц. Эпические традиции имеют коми-пермяцкие предания о богатырях Кудым-Оше и Пере-богатыре. Интересны и разнообразны предания о древнем населении края – чуди. Один из наиболее популярных жанров устных мифологических рассказов – былички о лешем, колдунах, водяном, суседке, баннике, полевом духе.

Наиболее распространены у коми-пермяков волшебные, социально-бытовые сказки и сказки о животных. Богаты и малые жанры коми-пермяцкого фольклора – пословицы и поговорки, скороговорки, афоризмы, загадки.

Быличка по-прежнему остается самым популярным устным жанром; рассказывается как на русском, так и коми-пермяцком языках. Однако все фольклорное богатство коми-пермяцкого этноса практически не существует в устной форме, особенно среди молодежи.

В то же время коми-пермяки устойчиво верят в приметы и гадания. В декабре 2015 г. автор наблюдал коми-пермяцкого мужчину лет пятидесяти, который сокрушался по поводу того, что ненароком выбросил волосы из расчески в форточку (*«вороны на гнездо унесут – голова болеть будет»*). На предположение *«Снегом занесет, может, не увидят»* сначала согласился, а потом снова забеспокоился: *«Мыши опять же... Зашебуришит в голове, рад не станешь»*.

При всем разнообразии фольклорных жанров следует отметить, что многие фольклорные тексты коми-пермяков заимствованы у русских и переведены [16. С. 11]. Давно замечено, что коми-пермяки, исполняя песни, легко переходят с коми-пермяцкого языка на русский и наоборот. Сегодня еще встречаются старушки, которые не знают русского языка или говорят на нем с трудом, но бойко исполняют русские песни, считая их своими. *«У пермяков мало песен на своем языке; да и те, которые существуют, по своему содержанию и складу, скорее должны быть названы прибаутками, побасенками. Песни же в собственном смысле они переняли от русских...»* [13. С. 127]. Коми-пермяцкие фольклорные ансамбли «Кукушка» и «Шондбан» также поют русские песни или русские песни, переведенные на родной язык.

Традиция перевода русских народных песен на коми-пермяцкий язык сохраняется и сегодня, трансформируясь в переводы-кальки эстрадных песен. Так, студенты Кудымкарского педагогического колледжа переводят и исполняют в «рôковой» манере русские песни:

*Вõtасям ми не космодромлсь шыэз, (И снится нам не рокот космодрома,)
Не этõ кõдзыт лõз-рõма енõж, (Не эта ледяная синева,)
А усьõ вõtõ керку да õшын увт, (А снится нам трава, трава у дома,)
Зелёнõйся-зелёнõй небыт луд. (Зелёная, зелёная трава.)*

Таким образом, фольклорные жанры существуют параллельно в русскоязычном и исконном вариантах, что обуславливает стирание собственно коми-пермяцкой жанровой специфики. Так, мифологические рассказы о сотворении мира, животных, людей, этноса в переводе на русский звучат как-то нелепо, неказисто, иногда даже странно, что заставляет говорящих корректировать некоторые смысловые нюансы. «Стирание» фольклорных жанров связано также с незначительностью их устного бытования, что характерно и для русского языка. В то же время очевидно расширение жанрового спектра фольклора за счет коми-пермяцко-русского билингвизма.

Коми-пермяцкие литературоведы выделяют множество литературных жанров, существующих в коми-пермяцком языке. Значимость фольклора для коми-пермяцкой литературы трудно переоценить. В.В. Пахорукова отмечает, что фольклорные мотивы и образы определили содержание первых литературных опытов всех зачинателей коми-пермяцкой литературы. А самый распространённый жанр – лирическая песня – хранит фольклорную традицию не только коми-пермяков, но и всего региона, где формировалось творчество авторов. Именно песня явилась переходным жанром от устной народной поэзии к письменной литературе. Среди факторов, определивших рождение коми-пермяцкой прозы, важным является несказочная проза (былички, бывальщины, предания). Первые прозаические опыты В. Чисталева, В. Савина, М. Лихачева, А. Зубова – это описание отдельных эпизодов о виденном, о былом, что характерно для быличек или для бывальщин [12].

Первым опытом существования литературных жанров на коми-пермяцком языке были переводы русских текстов: «Женитьба» Н. Гоголя (перевод А. Зубова), «Детство» М. Горького (перевод Ю. Будриной), «Избранное» А. Пушкина (перевод М. Лихачева, Н. Попова) и др. Первый коми-пермяцкий роман М. Лихачева «Менам зон» (Мой сын. 1936) во многом подражал художественной манере М. Горького. В 80-90 гг. XX в. появляются романы Т. Фадеева «Туйвежжез» (Распутья), «Ыбишар» (Жаворонок), В. Климова «Гублян», С. Федосеева «Сьõд цветтэз» (Чёрные цвета) и др.

Самый частотный коми-пермяцкий поэтический жанр – стихотворение. Тематический спектр поэзии ограничен: в основном это любовная и пейзажная лирика. Практически отсутствует философская, медитативная, суггестивная лирика. Изредка встречается религиозная лирика [4]. Большой пласт коми-пермяцкой поэзии занимает так называемая социалистическая лирика, связанная с темами революции и Великой Отечественной войны, социалистической Родины, социалистического строительства и пр. Поэтических сборников великое множество: И. Минин «Дивья», «Менам бипур» (Мой костёр), М. Вавилин «Олан туй вылын» (На дороге жизни), «Удж да песня» (Труд и песня), Н. Попов «Счастелõн югõр» (Луч счастья), «Миян ладорын» (На нашей стороне), С. Караваев «Менам рассэз» (Мои рощи); Л. Никитин «Сьõлõмиог» (Сердечная боль), «Шынь-серõм» (Улыбка); В. Рычков «Оланлõн шõрт» (Нить жизни); А. Истомина «Нимлун» (День рождения), «Вуджжез и борддэз» (Корни и крылья), «Чочком кайез» (Белые птицы), «Ния локтасõ» (Они придут) и многие другие (Г. Бачева, Н. Исаева, Ф. Истомин, Л. Старцев, А. Истомин, Л. Гуляева, В. Козлов, В. Мелехина и др.). Многие поэтические тексты ориентированы на фольклорную традицию.

Коми-пермяцкая драматургия зарождалась в рамках социалистической клубной самодеятельности, преимущественно в виде интермедий и сатирических сенок. «Настоящий» театр был создан в 1931 г. (ТКОМ – Театр Колхозной Молодежи), где играли местные деревенские жители. Первые пьесы на коми-пермяцком языке и последующий репертуар коми-пермяцкого драматического театра – переводы с русского: «Аристократы» Н. Погодина перевёл А. Зубов, «Проделки Скапена» Мольера – В. Нешатаев и Г. Ушаков, «За чем пойдёшь, то и найдёшь» А. Н. Островского – С. Можаяев и Н. Бормотов, «Семейный портрет с посторонним» С. Лобозерова («Чужбõй») и «Синва» («Дзор туманлэн ныв»), романтическая поэма) М. Сторожевой – Ф. Истомин и др. На коми-пермяцком языке ставятся спектакли «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Профессор Полежаев» Л. Рахманова, «Серёжа Стрельцов» В. Любимовой, «Женитьба» («Гõtрасьõм») Н. Гоголя и др. Переводились и пьесы с родственных пермских языков: «Свадьба с приданым» Н. Дьяконова (перевод Н. Бормотова и И. Караваева) и др. [5].

Первую пьесу на родном языке написал А. Зубов в 1937 г. («*Пемыт ой пырйот*»), текст не сохранился; в 1959 г. – драма «*Гажтём тулыс*» (Пасмурная весна) С. Можаяева; в 1965 г. – «*Родной ныв*» (Родная дочь) Н. Бормотова. В 1940 г. поставлена пьеса «*Караванный бунт*» Н. Свечкова (написана на русском языке и переведена на коми-пермяцкий). Один из создателей коми-пермяцкой драматургии – С. Можаяев; почти все его пьесы поставлены в национальном театре: «*Крепкий узел*», «*Земля пробуждается*», «*Бурелом*», «*Асныр*» (первая музыкальная комедия на коми-пермяцком языке), «*Грустное эхо*» (драма) и др. Жанр комедии также отмечается в коми-пермяцкой драматургии: Ф. Истомина «*Хоть смейся, хоть плачь*», А. Радостев «*Гузи да Мези*» и «*Сизимок*» и др. Особенно популярны пьесы, основанные на коми-пермяцком фольклоре: «*Гётрасьны, дак гётрасьны*» (Жениться, так жениться) В. Климова, эпическая поэма «*Кудым-Ош йылись висьтас*» (Сказание о Кудым-Оше) В. Климова и С. Андреева и др. Коми-пермяцкие комедии, истоки которых – в коми-пермяцком фольклоре, снискали большую славу в российском театральном мире. Несмотря на то, что жанры коми-пермяцкой драматургии многочисленны и разнообразны, лучшие коми-пермяцкие пьесы – это, скорее, не жанровая, а культурно идентичная фольклорная традиция.

Жанровый анализ показывает, что к собственно коми-пермяцким жанрам можно отнести фольклорные (мифологические рассказы о сотворении мира, предания и легенды о первопредках, былички, загадки, поговорки, приметы и пр.) жанры.

Литературные художественные жанры (роман, рассказ, повесть и пр.) преимущественно являются жанровыми кальками с русского языка. «*Большие*» жанры сегодня существуют преимущественно на русском языке, что обусловлено, в том числе, и отсутствием богатой и долговременной литературной традиции, и «непрерывностью» существования жанра на родном языке.

«*Востребованные*» в языке литературные коми-пермяцкие жанры «на глазах» вырастают из фольклорных жанров (стихотворение – из лирической песни, проза – из былички, драматургия – из фольклорных преданий и бытовых сценок народной жизни) и продолжают сохранять с ними непосредственную связь.

Таким образом, коми-пермяцко-русский билингвизм, с одной стороны, способствует обогащению жанровой системы коми-пермяцкого языка, с другой стороны, практически все «заимствованные» жанры сохраняют генетическую связь с этнической традицией.

В исследовании проблем двуязычия можно проследить переход от фольклорно-эпических традиций коми-пермяцкой литературы к реалистической и психологической прозе и поэзии. В связи с этим большое значение имеет исследование проблем билингвизма в единстве с проблемами ментальности, художественного этнографизма, позволяющими, несмотря на язык (русский или коми-пермяцкий) произведения, проследить этнохудожественные основы творчества.

В творчестве коми-пермяцких писателей-билингвов обнаруживается синтез этнической (коми-пермяцкой), «доминирующей» (русской) и универсальной картин мира. Ярким примером мультикультурной модели сознания является творчество коми-пермячки Анны Истоминой. Ментальность коми-пермяцкого этноса проявляется как в коми-пермяцких, так и русскоязычных текстах автора.

В 1997 году Анна Юрьевна Истомина за сборник стихов «*Белые птицы*» удостоена литературной премии общества М.А. Кастрена (Финляндия) – «за творческий вклад в обогащение и развитие коми-пермяцкой литературы». С 2004 года по 2007 год Анна Истомина – председатель Коми-Пермяцкой писательской организации (до её слияния с Пермской краевой организацией). 9 апреля 2009 года на XIII съезде Союза писателей России избрана членом правления (секретариата) Союза писателей России.

В коми-пермяцких текстах А.Истоминой осознание цикличности жизни («*Көр кусö ар...*», «*Шогмём. Кулём*», «*Ветлётан отирот*»), олицетворение всего живого и неживого, актуализация древесной символики – береза как лицо деда, человеческая душа («*Кытчö тi, отир, мунатö?*», «*Чочком лым югдöтiс зыбкайс*») обусловлены древней мифологией народа коми:

*Чочком лым югдöтiс зыбкайс,
Кöдзыт төв гыччöтiс.
Гöрись пу ветлётiс зыбка дын,
Дзуртiс жагвыв, чотiс
(Белый снег осветил колыбель,
Холодный ветер убаюкивал.
Старое дерево ходило возле колыбели,
Скрипело тихонько, хромало.)*

*Но пöрись ар важ телега доддялö,
И рöма гожумсö вöтлö-кольлалö
(Но старая осень старую телегу запрягает
И яркое лето провожает.)*

*Чочком пызандöра ольсалöма тöлыс,
Гöссезöс бытьтö видзчисьö.
Дзор деревняок пызан дорас чöлö –
Озö синваэз ни киссьö
(Белую скатерть постелила зима
Гостей будто ждет
Седая деревенька возле стола молчит –
Слёзы уже не льются.)*

*Биш ловзисяс – вывлань тиын кайышитас –
Жагвыв нес аклялышитас-сёйышитас
(Вздохнёт устало (печка) – вверх дым поднимется.
Потихоньку дрова съест) и т.п.*

Вместе с тем, огонь и свеча, старая церковь, образ Бога – символы русского православия.

Этническая идентичность в поэзии А.Истоминой очевидна в особой актуализации древесной символики:

*Я приду еще в лес, как приходят дожди,
И растаю, минуя поляну.
Только ты с топором в этот лес не ходи –
Я в лесу этом деревом стану.*

*Я – тень от дерева. А дело тени,
Чтобы она могла все время жить,
В погожий день – осенний и весенний
Безмолвно возле дерева кружить.*

*О, не сажайте мне на грудь березку!..
Мне сердце надорвал ветров унылый вой.
Они сгибали нас и так стегали хлестко,
Что вырастет она, как жизнь моя, кривой.
Пусть на моей груди поднимется сосна
Корнями в сердце прорастет она.
Я всею нерастраченною силой
Вскормлю ее в краю моем родном.*

Одновременно с этим, основные вопросы в поэзии А.Истоминой – вопросы философские: в чем смысл жизни, начало и конец всего сущего, свободен ли человек, если над ним витает призрак смерти, дихотомия «душа-тело» и пр. Именно философские вопросы бытия не типичны для ментальной парадигмы коми-пермяцкого этноса, а потому стихи А.Истоминой считаются у коми-пермяков «сложными», трудными для понимания.

*Машет ветвями. Оно бы взлетело
Птицею путь поднебесный торить,
Но не встряхнуть ему древнее тело –
Корни мешают ему воспарить.
О, не вздыхай, ибо друг твой вернется,
Снимет крыла – поклониться лугам,
К дому и к дереву детства рванется:
«Корни твои да к моим бы ногам!*

С другой стороны, русскоязычная повесть-сказка «Страна Абу» [6] написана по мотивам коми-пермяцкого фольклора. По словам А.Истоминой, «причина того, что повесть-сказка написана

на русском языке, крайне прозаична. Вначале она была задумана на коми-пермяцком языке, остались даже небольшие наброски. Но... тогда я работала редактором детского журнала "Силькан", и в свой адрес мы регулярно слышали от местных властей пожелания о том, чтобы журнал был самокупаемым (чтобы не нуждался в финансовой помощи со стороны), поэтому в те годы журнал несколько лет издавался на русском языке, хотя и с коми-пермяцким колоритом :). В те же годы отдельным номером была издана моя повесть-сказка¹.

Сегодня Коми-пермяцкий округ, где проживает основное коми-пермяцкое население, сами коми-пермяки с горькой иронией называют *Страна Абу, Земля Абу* (к.-п. *абу* «нет»). Сказочной страной Абу правит *Курэг XIII* (к.-п. *курög* «курица»), слугу Курэга зовут *Кыр* (к.-п. *кыр* «дятел», «самец»). *Курэгкар* – столица Абу (к.-п. *кар* «город», *курög* «курица») расположена на горе *Курэг*. Орнитоморфная символика занимала существенное место в традиционном мировоззрении коми.

*Видно, от птиц народился род
Человечий.
Потому, наверно, к себе зовет
Небо вечно.
Потому и душа моя рвется в полет
Птицей тою,
Птицей плачет, птицей поет
Над землею...*

Среди многочисленных космогонических версий доминировал миф о ныряющей птице. У коми-зырян землю из воды доставали либо сами демиурги в облике птицы (*Ен* – лебедь, *Омоль* – гагара), либо её добывали голубь (птица *Ена*), которому мешал ворон (птица *Омöля*). Или же у коми-зырян землю добывают два голубя (*Ен* и *Омöль*); у коми-пермяков земля образовывается благодаря перу или помёту, уроненными безымянной птицей [9].

Конкретно курица у коми не наделена мифологическим смыслом (ввиду слабого развития куроводства), но осенью коми-пермяки отмечали *курög празьник* «куриный праздник». В этот день кур обезглавливали, часть из них жертвовали церкви, а остальных варили на костре в большом котле. По всей видимости, заимствовано у русского населения [9]. В этом празднике – слияние дохристианского обряда жертвоприношения с христианскими ритуалами (моление). В то же время в русской культуре семиотика курицы архетипична. Нельзя не вспомнить о Курочке Рябе, снесшей золотое яичко. Сказочное «золотое яичко» ведет свою «родословную» от золотого Космического Яйца, а сама Курочка Ряба является мифологемой Космотворящей Птицы. В русской мифологии курица считалась «вещуньей», т.к. перед несчастьем она начинала петь петухом [15. С. 10-11].

Главные герои сказки – *Синма* и *Пеля* – ищут волшебные монеты, которые спасут страну Абу. Населяют страну Абу – *орты* (ср. удмуртское *урт*, марийское *ört* «душа», хантыйское *орт* «предводитель, хозяин», мансийское *ört* «приведение, двойник» < общепермское **ört*, допермское **orte* [8, с. 208]), которые похожи на людей, только очень маленькие и с рогами. Возможно, здесь идет отсылка к мифу о карликовой чуди (народ, который в древности населял эти места) или к языческими представлениями о древних тотемах и устным рассказам о рождении первого коми-пермяка от зверя, птицы, растения и пр. *Орт* – в мифологических представлениях коми, душа-тень, двойник человека.

Синма и *Пеля* попадают в разные локусы и встречаются с их повелителями: *чомор* в *чоме*, *чудок* в бане, *лунишерика Мара* в стране *Ыбэс*, *яга Кукра* и *ягиня Мали* в стране *Ягма*, *ёма Кикимора* в стране *Нюрма*, *куль Вакрамеш* в стране *Вааты* и пр. Русскоязычность повести не мешает передавать этнический колорит повествования, который буквально пронизывает текст.

Ср. *Синма* (< к.-п. *син* «глаз») и *Пеля* (< к.-п. *пель* «ухо»); ср. коми-зырянское *син-пель* «органы чувств», удмуртское *син-пель* «память» [8. С. 256]. Ср. также *Син пöла морт* «одноглазый человек» – герой локального коми-зырянского предания, который способен вступать в контакт с душой-тенью (*орт*) других людей и получать от нее сведения о чьей-либо близкой смерти. Среди зырян существует поверье, что одноглазые колдуны способны видеть на два аршина под землю [9].

В русскоязычных текстах А. Истоминой культурная идентичность эксплицируется в топонимах, антропонимах, мифологических образах, а также в древней системе письма коми – анбуре и кабалах.

¹ Из интервью с Анной Истоминой в личной переписке автора статьи по электронной почте.

А. Истомина вводит в свой текст знаки зырянской азбуки Стефана Пермского, называя их пасами. **ԵՄՎԻ ՕԲՐՆ ԻՊՊԻՄԿԷ** : эта надпись на анбуре означает *Семь бед отгони*. Надписи на других монетах содержат другие «волшебные» послания: *Чистая-пречистая вода; Будь царем семо народов* и пр. Несмотря на то, что анбур не имел отношения к коми-пермякам (это азбука коми-зырян), А. Истомина чувствует себя причастной к финно-угорскому миру в целом и к *коми морт* (человек коми) в частности.

Использование пасов и анбура является культурно идентичным графическим приемом, который придает современной «русифицированной» коми-пермяцкой графике этнический дух коми-пермяков, «особость» и «самость» коми-пермяцкого текста.

Сама А. Истомина на вопрос «*Почему стефановскую азбуку Вы называете пасами, ведь стефановской азбукой пользовались коми-зыряне, а не коми-пермяки?*» отвечает: «*Это было так давно, что в точности ничего нельзя утверждать. На тот момент и язык (коми), наверное, был более единым, да и региональных границ, которые существуют сегодня, не было. Всё было иначе. Да и, в конце концов, художественное произведение имеет право на вымысел, тем более – сказка*».

В то же время в сказке А. Истоминой есть отсылка к собственной системе письма коми-пермяков – пермяцкой письменности на кириллической основе, которая была распространена с XVII-XVIII вв. до нач. XX в. (время создания коми-пермяцкой письменности на русской основе). Пермяцкое буквенное письмо на кириллической основе существовало в трех основных функциональных вариантах: религиозные (переводы библейских текстов), учебно-научные (словари и грамматики) и магические (письма-кабалы) тексты. Все эти тексты являют собою ряд графических систем на основе кириллицы, однако каждый пишет «кто во что горазд». Наиболее известны на пермяцком языке словари и грамматики.

В это же время были широко распространены письма-кабалы Лесному царю как оберег или магический ритуал. «Как правило, колдун был неграмотен и просто наносил справа налево на бересту какие-то непонятные или, может быть, понятные только ему самому значки, произнося вслух текст послания. Если колдун хоть мало-мальски владел русским языком и грамотой, он писал послание на бересте, опять же справа налево, буквами в зеркальном отражении (т. е. мир духов представлялся изнаночным по отношению к миру людей)» [9].

Своеобразную интерпретацию писем-кабал находим в повести-сказке: «*Синма и Пеля догадались, кто мог быть ночным гостем, и стали думать, как с ним встретиться. Сначала надо было найти хоть одну берёзу, чтобы снять кусок бересты и написать на ней письмо взрису. <...> Уже в свете костра Пеля старательно вывел на бересте: «Дядюшка взрись, прими Скромный гостинец от нас! Дядюшка взрись, прими В гости в свой лес и нас!». Они завернули своё послание в рулончик и вместе с последним куском рыбы положили под ель в той стороне, откуда появлялся вчера ночной гость*».

В сказке-повести органично сливаются системы письма, принадлежащие разным культурам: 1) древняя письменность коми (пасы, тамга) в виде волшебных монет с надписями (древнепермская культура); 2) зырянская азбука Стефана Пермского (анбур) в виде надписей на волшебных монетах (коми-зырянская культура); 3) кириллическое письмо на русской основе как элементы кабалы в послании лесному духу – *взрису* – на бересте (коми-пермяцкая культура); 4) русское письмо как основной язык сказки (русская культура). Можно считать, что в сказке отражается эволюция становления коми-пермяцкой письменности: от пасов – через анбур и пермяцкое письмо на кириллической основе – к письму на основе русской графики.

Опыт развития литературного двуязычия в коми-пермяцком дискурсе показывает, что двуязычие не является показателем утраты национальной культуры и не является пагубным для национального развития. Русский язык оказывает значительное воздействие на актуализацию потенциальных возможностей коми-пермяцкого языка, ускоряя развитие художественной культуры. В функциональном отношении коми-пермяцкий язык в зоне компактного расселения коми-пермяков выполняет существенные общественные функции, позволяющие ему, наряду с традиционной культурой, сохранять этническую идентификацию, несмотря на мощное воздействие функционально активного русского языка.

Литературный коми-пермяцко-русский билингвизм показывает, что возможности, получаемые этносом от ситуации двуязычия, значительно превышают угрозы со стороны русского влияния. Двуязычие и контакты с русским этносом – это приобщение к мировым ценностям культуры; раз-

витие образования, медицины, экономики, искусства; возможности получения современного образования, развития информатизации и внедрения новых технологических моделей и пр. Кроме того, литературный билингвизм позволяет коми-пермякам позиционировать себя в российском пространстве как самодостаточный и уникальный этнос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баталова Р.М. Коми-пермяцкий язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993. С. 229-239.
2. Баталова Р.М. Язык коми-пермяков URL: <http://www.minkpo.permkrai.ru/node/143>
3. Бойко В. Н. Коми-пермяцкий детский фольклор: жанрово-тематическое своеобразие: учебное пособие. Пермь, 2007. 53 с.
4. Гуляева Л.П. Годдэз да каддэз. Кудымкар, 2001. 222 с.
5. Ермакова Т.В. Из истории изучения коми-пермяцкой драматургии // Духовная культура финно-угорских народов России: Матер. Всероссийск. научн. конф. к 80-летию А. К. Микушева (1-3 ноября 2006 г., г. Сыктывкар) / Отв. ред. Т. С. Канева. Сыктывкар, 2007. С. 146-148.
6. Истомина А.Ю. Страна Абу. Повесть-сказка по мотивам коми-пермяцкого фольклора. URL: <http://pisatel-komiperm.narod.ru/>
7. Климов В. В. Оласо да вбласо. Кудымкар, 1990. 365 с.
8. Лыткин В.И., Гуляев Г.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 431 с.
9. Мифология коми: Кабала, Кай, Куро́г празьник, Син по́ла морт // Энциклопедия уральских мифологий. URL: <http://www.komi.com/folk/myth/>
10. Напольских В.В. Кентавр ~ гандхарва ~ дракон ~ медведь: к эволюции одного мифологического образа в Северной Евразии // URL: <http://www.udmurt.info/pdf/library/napolskikh/kentauros.pdf>
11. Ожегова М.Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь, 1971. 132 с.
12. Пахорукова В.В. История коми-пермяцкой литературы. Сыктывкар, 2004. Т. 1: Проза. 217 с.
13. Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков. Кудымкар, 2008. 222 с.
14. Русская спонтанная речь коми-пермяков. Звучащая хрестоматия / под ред. Т.И. Ерофеевой. Пермь, 2007. 72 с.
15. Русские. М.: Наука, 1999. 828 с.
16. Сторожев Т.В. Коми-пермяцкий фольклор. Кудымкар, 1948. 13 с.
17. Цыпанов Е.А. Сравнительный обзор финно-угорских языков. Сыктывкар: Кола, 2008. URL: <http://www.finnougoria.ru/logos/spravochnaya%20literatura/spravka.php>
18. Чагин Г.Н. Этногенез и этнокультурное развитие коми-пермяков // Коми-Пермяцкий автономный округ на рубеже веков. Кудымкар: Кн. изд., 2000. С. 9-17.

Поступила в редакцию 17.07.17

S.S. Shlyakhova

LITERARY KOMI-PERMYAK-RUSSIAN BILINGUALISM AND CULTURAL IDENTITY

The article addresses the literary Komi-Permyak-Russian bilingualism in the context of ethnic identity. It is established that cultural opportunities derived by ethnic group on the situation of bilingualism, significantly exceed the threat from the Russian influence. Experience in the development of literary bilingualism in the Komi-Permyak discourse shows that bilingualism is not an indicator of loss of national culture. It is not detrimental to national development. Komi-Permyak-Russian bilingualism contributes to the enrichment of the genre system of the Komi-Permyak language, on the one hand. On the other hand, almost all the "borrowed" Komi-Permyak genres retain a genetic connection with ethnic tradition. The art of Komi-Permyak writers-bilinguals reveals a synthesis of ethnic (Komi-Permyak), "dominant" (Russian) and universal pictures of the world. The art of Komi-Permyak poet Anna Istomina is a prime example of the multicultural model of consciousness. The mentality of the Komi-Permyak ethnic group is evident both in Komi-Permyak and Russian texts of the author.

Keywords: Permian languages, Komi-Permyak language, Komi-Permyak literature, bilingualism, cultural identity.

Шляхова Светлана Сергеевна,
доктор филологических наук, заведующая кафедрой
«Иностранные языки и связи с общественностью»

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
614000, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29
E-mail: shlyakhova@mail.ru

Shlyakhova S.S.,
Doctor of Philology, Head of the Department
of Foreign languages and Public relations
Perm National Research Polytechnic University
Komsomolskiy prosp., 29, Perm, Russia, 614000
E-mail: shlyakhova@mail.ru